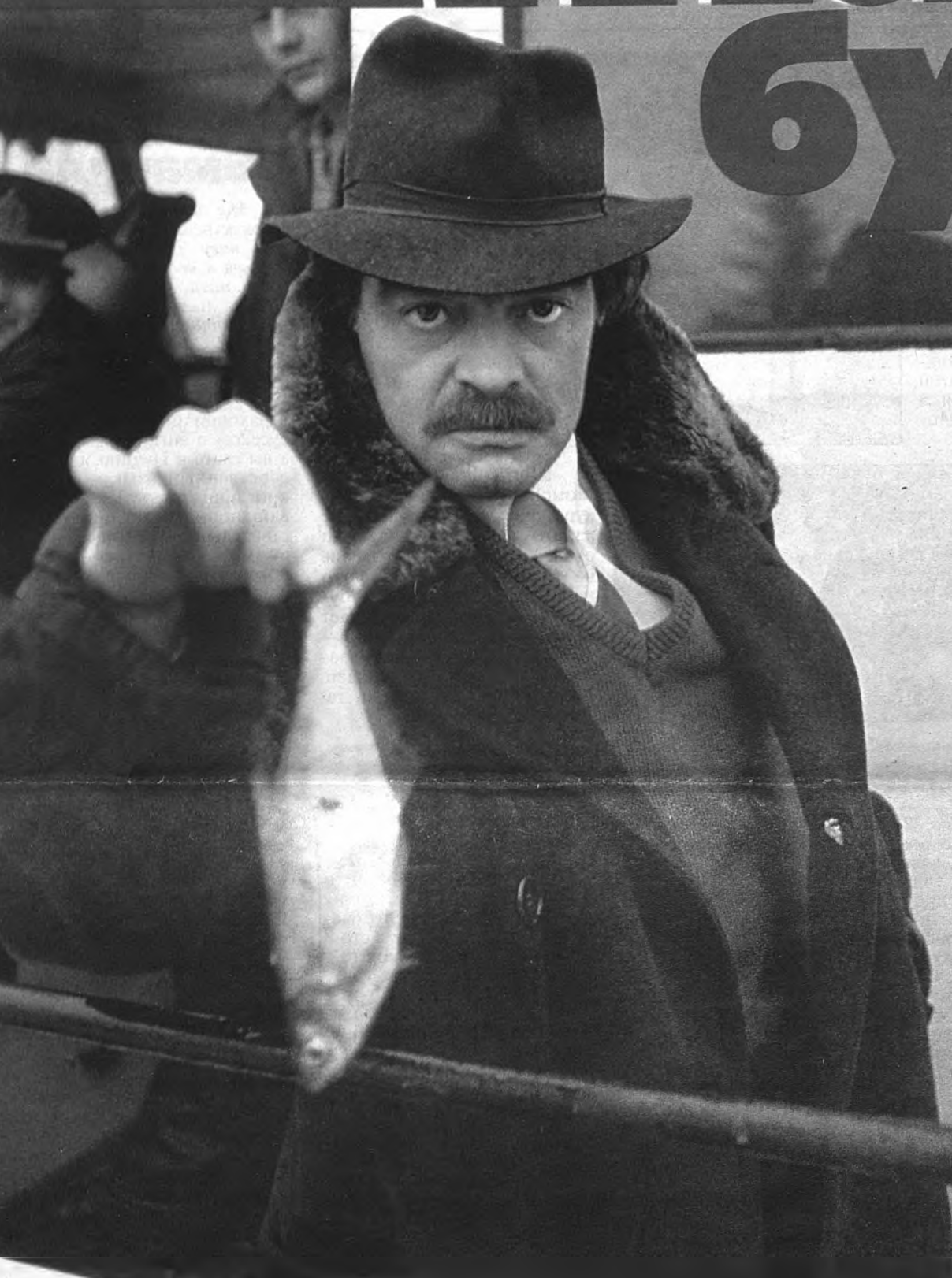

александр адабашьян:

Человеку, который не знает Адабашьяна, я мог бы долго объяснять, кто это такой. Получился бы фантастический и далеко не исчерпывающий перечень: художник кино, режиссер, актер, преподаватель, сценарист, пейзажист, оперный постановщик, активный соавтор первых семи картин Никиты Михалкова, Бэрримор, «Азazel». Главное все равно ускользает. К счастью, людей, не знающих Адабашьяна, в России практически нет. И это избавляет нас от необходимости говорить искренне, но выпендренные банальности вроде «универсальный талант» или «воплощенный артистизм».

В оригинале «Собаки Баскервиль» никакой овсянки не было

— Я еле отцепился от дочери, она очень к вам присилась...
— Так и взяли бы. Поиграли бы с котом.
— Да нет, у нее сейчас холмсовский период. Она все время просила бы вас сказать «Овсянка, сэр»...

— С этой овсянкой история странная. Всклик раз, как дети во дворе начинают меня же преследовать, догадываюсь, что в очередной раз повторили «Собаку». Недавно жена посылает меня за сахаром в ближайший бакалейный, и я вижу, что продавцы

еле сдерживают хохот. «Ребята, колите!» — «Да мы тут «помазали», что вы за овсянкой». Что было особенного в этой реплике — ума не приложу. Тем более что в оригинале никакой овсянки не было: ее придумал Масленников. У нас ведь англофильская картина — значит, должен быть английский завтрак. Порridge. Наверное, вкусную эту овсянку на молоке изготовляла ассистент режиссера, приносила на съемки все больше и больше кастрюли, лопали ее все — и до съемки доходила ничтожная часть. По ходу дела мы с Соломиным придумали некий театр для себя: нам показалось, что Бэрримор терпеть не может Ватсона. Действительно, тут правильные дво-

рецкий, интеллигентный холуй, а в замок приезжает наместник Холмса, который распоряжается, устанавливает свои порядки... В результате я всем накладывал этой овсянки по две-три ложки, а ему плохал жалкую кучку: он в ответ в записной книжке рядом с тарелкой крупно три раза писал «Бэрримор дурак». В общем, это были чрезвычайно веселые съемки, да и компания какая — Вася Ливанов, Никита, Брондуков, Рина Зелена, Виталий...

— Кстати, о Соломине. Вы ведь приятели с ним. Как он сейчас?
— Я в последнее время не звоню, потому что понимаю, сколько сейчас звонков и что делается в доме... Насколько я

знаю, есть признаки, позволяющие надеяться. Артисты выкарабкиваются после инсульта — Гундарева уже дома, замечательно работает Филатов, которого буквально с того света вытащил Лена Ярмолинчик. Так называемая всенародная популярность имеет ведь и обратную сторону. Когда Филатов заболел — у него был «почечный инсульт», — лечить его рвались всякие экстрасенсы, предлагавшие мазаться козлиной мочой в полнолуние, и жене трудно было в одиночку этому противостоять. К счастью, они оба героически через все прошли, и сегодня все мы видим нормального злого Леню.

— Почему вообще инсульт принял косить не старых еще артистов? Гундарева, Филатов, Соломин, Брондуков...
— Ну, четыре случая — не тенденция... Но этому поколению — смею сказать, нашему — действительно в некий момент пришлось трудно. Раньше «актер академического театра» звучало как пожизненная гарантия трудоустроенности, востребованности и денежной состоятельности. Современный молодой актер в театре играет между делом, а в прочее время подрабатывает; эти так не умеют, они выкладываются везде. Соломину приходилось отрабатывать сложнейший спектакль — ту самую «Свадьбу Кречинского», занимаясь антрепризой «Мышеловкой», лицом и гарантом которой он стал, обеспечивать будущее дочери и обо всем этом думать. Гундарева снималась в сериалах и много работала в театре. В общем, после сорока на всех тут обрушились не те нагрузки, к которым мы готовились.

Интересно, а почему весь холмсовский сериал приняли тогда в штаны?
— Приняла не столько публика, сколько критика. Наверное, их смущала ирония, да еще нас обвиняли в том самом доможенном англофильстве. Это теперь вдруг выяснилось, что «Собака» — классика советского кино. Точно так же, как с Гайдаем: никто его всерьез не принимал, только в последние годы вдруг оказалось, что из всего советского кинематографа зритель по-настоящему усвоил только это. То ли времена теперь такие, что серьезное кино не воспринимается, то ли это действительно было очень профессионально сделано и потому цепляет. Телевидение, конечно, помогает... Что крутят, то и расходится на цитаты, а потом становится классикой. Думаю, что и «Азazel» после двух-трех показов перестанет казаться прессе такой уж катастрофой, потом разойдется на диалоги, а потом попадет в разряд нашего любимого старого кино. В первую очередь потому, что появятся люди, которые прочтут книгу уже после фильма. Они и заметят, чем отличаются наши Носков и Безруков от акунинских Фандорина и Бриллианта.

— Я был против такой рекламной кампании «Азazel»
— Я принадлежу к тем, на-верное, пяти процентам журналистов, которым ваш «Азazel» по-нравился сразу и безоговорочно. И мне не очень понятен шквал не просто разрозненных, а не вполне чистоплотных публикаций — что-то насчет коллективного запоя на съемках в Праге...
— Забавно. А где это было напечатано?
— В Интернете... Так бы и сказали. Вообще я очень рад. Мне приятно, что есть люди, до такой степени любящие Акунина. Для них его книги — уже из разряда священных текстов. У нас ведь не умеют просто любить, дружат всегда против кого-то. Пусть подругат против меня. Да, у меня были некие разногласия с продюсерами. Из фильма вылетели многие цитаты из моей любимой литературы и несколько кадров, отсылающих к классической живописи. Этого не так жалко — это был опять-таки театр для себя. Я с самого начала был против раскрутки саундтрека, поскольку сразу сказал: все звукоинженеры, участвующие в нем, получат время только на титрах. В фильме осовремененные романы мне не нужны. И наконец, я был против столь масштабной рекламной кампании: ее не выдержал бы никакой «Титаник». Других претензий нет, а если и есть, то к себе. Режиссер за все отвечает сам: зачем взял этот сценарий, почему работал с этими продюсерами и т.д. Я снял картину с наименьшими потерями.

Что до групповых запоев — «Азazel» делался легко, без единого эксцесса, и кажется, процессом наслаждались все вполне трезво. Я горжусь тем, что ни разу не повысил голос на площадке — если мне и приходилось орать, то исключительно на выходящие инстанции. Если хочешь, чтобы группа отработала картину по максимуму, надо с ней вести себя по-человечески, хотя Митта и сказал в одном интервью гениальную фразу: «Режиссура — это возможность безнаказанно унижать людей». Но я не режиссер — я человек, который может поставить фильм. Режиссер — это как поэт: он должен быть параноиком, настаивать, что его видение мира — единственно верное.

— Мне понравилось смешение акцентов, которое у вас произошло. То есть выходит, что все российские беды как раз из-за того, что побеждают люди вроде Фандорина. А люди вроде леди Эстер проигрывают...
— Это как раз акунинская тема — талантливые люди тут объединяются в тайные общества, антигосударственные или, по крайней мере, негосударственные. А бездари защищают режим. Ну, Фандорин-то не бездарь — он просто романтик, и его не устраивают методы, которыми леди Эстер спасает беспризорных детей. Там же тьма народа поубивали, чтобы сохранить тайну...

Я не зря пригласил Безрукова на Бриллианта. Он должен был сыграть страшно обаятельного человека — и сыграл. Да, это спецслужба. Это ошарашивающая спецслужба, Фандорин ему подвластен на каждом шагу. Этот интеллигентский ужас — ах,

Что вместо спорта на шестом канале будет то, что будет

КГБ! — мне непонятен уже потому, что он очень избирателен. Значит, когда работавший с диссидентами Филипп Денисович Бобков идет работать на НТВ — это прекрасно, он хороший. А когда разведчик Путин приходит во власть — это ужасно, он плохой, а вот если бы он пошел на НТВ... Честно говоря, мне так жалко, что прекратится отличный спортивный канал. Лично мне вообще безразлично, какие новости смотреть — я включаю телевизор, когда есть свободное время. Нет, надо смотреть только на этом канале...

Заплатите, и у них будет другое мнение

— Мне кажется, то, о чем вы говорите — русское либеральное безумие — сейчас уже кончилось. Как и русское славянофильство.

— Дай бог, чтобы это было так. Русская либеральная интеллигенция — та самая, которая травил Цехова за «Деревню» и за отсутствие прогрессивных убеждений — опрокинула один режим и сделала то, что было в семнадцатом году. Потом опрокинула другой режим, он ей тоже не понравился... По сравнению с тем, что творилось в девяностые — по крайней мере, в кинематографе, — советская власть была плюшевая. Эти сатрапы вызывали режиссера на ковер, долгие беседы, уговаривали сделать ту или другую поправку, картины за редкими исключениями не уничтожались, они ложились на полку! Сегодня продюсер ломает режиссера о колено, вышвыривает его, перемонтирует кино, как хочет, или вовсе уничтожает картину. Ладно, теперь либеральной интеллигенции не нравится этот режим. И уничтожить его хотят те самые люди, которые опрокидывали советскую власть. Потому что принцип у них такой: быть всегда в оппозиции к власти. Любимой, что бы она ни делала. Я вспоминаю, как Сергей Адамович Ковалев, наш Паганель, в имидже старательно, артистически неухоженного человека, говорил о бомбардировках Сербии: «Есть режимы, с которыми иначе нельзя...» Он будет лично опрашивать, с какими режимами можно, с какими нельзя. С чеченским можно, рассудил он, посидев в бункере... Либеральная интеллигенция всякий раз униженно извинялась, когда ее мнение расходилось с мнением госпожи Олбрайт, — хотя, скажем честно, это случалось крайне редко.

За такое национальное лицемерие приходится расплачиваться. И серьезно. Как сегодня расплатился Франция. Я, кстати, не знаю почти ничего о судьбе моих французских проектов. Там остановилась картина про Ренуара по моему сценарию — единственная история из непоставленных, которую мне действительно жалко, потому что она была здорово придумана. Вообще непонятно, что там сейчас будет. Хотя победа Ширака с самого начала не вызвала сомнений, в июне — парламентские выборы, и на них серьезные шансы у правых. Правительство радикально обновится. Идет все-

европейское заворачивание гаек — оно уже случилось в Австрии, случится и во Франции, и в России. Это и есть расплата за годы лицемерия. Во Франции — особенно губительного.

Франция стала самой неработающей страной — 35-часовая рабочая неделя, причем француз не пойдет работать в каменщику. Ему это, по-французски говоря, *zaradeau*. В каменщику идут алжирцы. Коренное население тем временем медленно вырождается. Вот у меня есть приятель, кинематографист, — интеллигентный французский еврей. Он очень неодобрительно относился к нашей политике в Чечне, а в Израиле, когда поездом там побывал у родни, обругал правительство — еще до Шарона — за то, что они плохо поступают с арабами. «Знаешь», — говорил он мне в удивлении, — почему-то те родственники со мной поссорились». Его это очень удивило! Он приезжает с билетом Париж — Тель-Авив — Париж, осуждает родню за неуважение к арабам, которые каждый день взрывают кого-нибудь на улице, и уезжает в свою столицу мира, где при всей своей политкорректности никогда не зайдет вечером в арабский квартал.

— Значит, вы не осуждаете наши действия в Чечне?
— Наши действия в Чечне — неизбежность. Это часть третьей мировой войны, которая давно идет. Причины всякой войны иррациональны, как это замечательно показано у Толстого. Она возникает из ничего, как эпидемия насилия. Возьмем 1812 год: Франция — у которой с Россией традиционно наилучшие отношения в Европе — вдруг ни с того ни с сего срывается с места и отправляется в поход за лейтенантском, которого живьем видели пять процентов населения. Это же не наши времена, когда к услугам лидера телевидение. Полстраны вообще не знают, какой такой Наполеон. Германия, с которой у России сейчас опять-таки наилучшие отношения из всех европейских партнеров, Германия, с которой у нас были родовые ди-настические связи, вдруг ни с того ни с сего в 1914 году оказывается нашим врагом в первой мировой, тоже развернувшейся без всяких видимых причин. Эти вспышки насилия в человеческой природе. Сегодня это насилие разгулялось опять — воюет вся Африка (чего мы, может быть, не знаем, но о чем регулярно рассказывает CNN). Воюет Восток. У нас не только в Чечне эта эпидемия, но и на Кубани, и в Воронежской шевелится... Во всем мире способ борьбы с эпидемиями только один — личная гигиена. Другого не придумали. Ну, и закручивание гаек посильное — хотя это, как мы знаем, не помогает.

— В то, что российские дома были взорваны спецслужбами, вы тоже не верите?

— Это собачий бред.

— Вы это скажите отдельным российским изданиям и политикам...

— А зачем им что-нибудь говорить? Им надо заплатить, и у них сразу будет другое мнение.

Что касается войны, то она прекратится через какое-то время — просто потому, что прекращаются все эпидемии. И опять все будут лучшими друзьями. Советский Союз, конечно, не восстановится, но вереница распадков и распадков тоже закончится. Я помню, как в Грузии один интеллигентный грузин с цифрами в руках доказывал мне и Лебешеву, как прекрасно они все стали бы жить, если бы Россия не сосала из них соки. Они на одних боржомских водах превратились бы в Кувейт, весь мир пил бы боржомские воды! А еще грузинские вина, а еще помидоры! Эльдорато... Ну и перестала Россия из них сосать, и все мы видим это Эльдорато. Сейчас уже все поняли.

Врагом Михалкова никогда не был

— Вы согласны, что девятые проигрыши Россией?

— Это теперь вдруг выяснилось, что «Собака» — классика советского кино. Точно так же, как с Гайдаем: никто его всерьез не принимал, а зритель по-настоящему усвоил только это.

— Не согласен. Что значит — проиграны? Они Россией прожиты. Наверное, надо было это прожить. Наверное, это отрезвило многие головы и упорядочило многие иллюзии. У советских кинематографистов — у большинства, по крайней мере — возникло тогда довольно апокалиптическое мироощущение. Ведь шло как: ты снимаешь, постепенно поднимаешься все выше в иерархии и наконец попадаешь в небожители. Многие уже стояли на этой грани — и тут все рухнуло. Что же им теперь, в одной очереди с молодыми стоять на прием, просить денег? Я никакой паники не испытывал. Разумеется, некоторые полагают, что я сделался миллиардером, поскольку в Италии и Франции поставили несколько моих сценариев. Миллиардером не сделался, из страны не уехал, поскольку полонуть жить в Европе не могу. Парижа не люблю — лучше уж Рим... Тем не менее кое-что я там сделал. У меня были две персональные выставки — в Москве и в Минске, и я до сих пор ощущаю себя прежде всего художником, а не актером и не постановщиком. Я поставил «Бориса Годунова» в Маринке. Оформил два ресторана. Да-да, не делайте больших глаз. Это очень интересно — дизайн. И преподавал на Высших режиссерских курсах, что было одним из самых интересных занятий.

У меня вообще есть совершенно четкое представление о национальной идее. Мне кажется, национальной идеей России должно стать образование. Весь оставшийся ресурс страны надо вбухать в это. И если бы это было сделано в восьмидесятые, когда мы чем только не занимались, кроме главного, у нас сегодня была бы совершенно другая стра-

на. Смею думать, превосходная. Нужны школы нового типа, лучшие в мире: школы, где физкультура преподают бывшие спортсмены. Где литературу преподают писатели, а рисование — художники. Где географию изучают, отправляясь поездом путешествовать по Сибири, и там же проходят ботанику с зоологией. В этих школах платят самые высокие в стране зарплаты, чтобы профессия педагога сделалась престижнейшей. Вот если сделать образование генеральной задачей страны — через двадцать лет мы будем ведущей державой.

— Вы готовы были бы бросить все и преподавать в такой школе?

— Безусловно. Я сам окончил одну из лучших школ Москвы — тридцать первую. Там меня выучили французскому языку, но не только...

— Под моим из того, что вы говорите, охотнее подписался бы Михалков.

— Я никогда не был врагом Михалкова.

— Однако были попытки вас противопоставить — вот он государственный, а вы...
— Я ничего плохого не вижу в том, чтобы гордиться своей страной. У нас если кто-то вывесит государственный флаг — на него посмотрят как на идиота, а если американский — поражаются: приколось! Здесь нет никакой конъюнктуры с моей стороны, поскольку я все то же самое говорил и десять лет назад, ни в каких дележах не участвовал и ни против кого не дружил.

— Я не перестаю удивляться вашей сохранности: у вас две взрослые дочери...
— У меня внуку полгода!

— Ну вот. И по моим подсчетам, вам уж никак не меньше пятидесяти трех...
— Пятьдесят шесть.

— И как вы сохраняетесь?
— Понятия не имею. Никаких специальных усилий. Живю, пишу, курю, отсутствие излещив. Овсянка, сэр.

■ Беседовал Дмитрий Быков

Рабочий момент съемок «Азazel»: Адабашьян показывает, как играть...

...и даже поправляет Нееловой (леди Эстер) грим

...

...

...